

Научная статья

УДК 398.224: 811.512.157'366.58

DOI 10.25587/2782-4861-2025-4-220-230

ВИДОВЫЕ ФОРМЫ ОБРАЗНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЕКСТАХ ОЛОНХО

Л. Н. Герасимова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: gelinica@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ видовых форм образных глаголов с целью выявления и описания данных форм в текстах олонхо, определения особенностей их употребления сказителями. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности использования образной лексики в эпических текстах. Новизна исследования заключается в том, что впервые функциональность видовых форм образных глаголов рассматриваются в качестве объекта исследования. Материалом для исследования послужили тексты олонхо центральной эпической традиции Якутии. В работе использованы метод сплошной выборки для сбора образных глаголов из эпических текстов; компонентный анализ на основе словарных дефиниций для раскрытия семантики слов; метод контекстуального анализа для выявления различных значений и оттенков значений исследуемых глаголов в контексте в зависимости от их функций. Проанализированы 212 образных глаголов, некоторые из которых повторяются в текстах олонхо. Из видовых форм образных глаголов обнаружено применение формы основы, формы мгновенности и однократности, формы подвижности, формы раздельной кратности, формы равномерной кратности. Как выяснилось, в данных видовых формах образные глаголы участвуют, в целом, в описании внешности главных героев и второстепенных персонажей и их движений, в описании жилища, предметов быта, природных явлений и животных. Особенностью употребления видовых форм, по результату нашего анализа можно отметить, является то, что в зависимости от ситуации, специфики персонажей, сказываемого действия и развития сюжета олонхо сказитель может комбинировать видовые формы. Например, форма подвижности используется в активных действиях, форма мгновенности и однократности – в фрагментах, где герои действуют незамедлительно, форма раздельной кратности – в описании движений героев, ориентированных на походке, форма равномерной кратности – в определении движений героев в соответствии их комплекции. Поэтому, на наш взгляд, особое умение сказителя сочетать видовые формы образных глаголов в сказывании олонхо представляет его художественное мастерство.

Ключевые слова: олонхо; образные глаголы; сказитель; видовые формы; форма подвижности; форма мгновенности и однократности; форма раздельной кратности; форма равномерной кратности

Финансирование: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Культурные универсалии и регионально-локальные уникалии якутской эпической традиции: междисциплинарные исследования, цифровизация, технология популяризации»

Для цитирования: Герасимова Л. Н. Видовые формы образных глаголов в текстах олонхо. *Этнология*. 2025;4(40):220–230. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-220-230>.

Specific forms of figurative verbs in olonkho texts

Liliya N. Gerasimova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: gelinica@yandex.ru

Abstract. The article analyses the specific forms of figurative verbs in order to identify and describe these forms in the texts of the olonkho and to determine the peculiarities of their use by olonkhohut-narrators. The relevance of the research lies in the insufficient study of the use of figurative vocabulary in epic texts. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the functionality of specific forms of figurative verbs is considered as an object of research. The material for the study was the texts of the central epic tradition of Yakutia. In this work we used the method of solid sampling to collect figurative verbs from epic texts; component analysis based on dictionary definitions to reveal the semantics of words; the method of contextual analysis to reveal different meanings and shades of meanings of the studied verbs in context depending on their functions. We analyzed 212 figurative verbs, some of which are repeated in the olonkho texts. Among the specific forms of figurative verbs, the using of the base form, the form of instantaneousness and uniqueness, the form of mobility, the form of separate multiplicity, and the form of uniform multiplicity were found. As it turned out, in these species forms figurative verbs are involved, in general, in the description of the appearance of the main characters and minor characters and their movements, in the description of housing, everyday objects, natural phenomena and animals. The peculiarity of the use of species forms, according to the results of our analysis, is that depending on the situation, the specifics of the characters, the narrated action and the development of the plot of the olonkho, the narrator can combine species forms. For example, the form of mobility is used in active actions; the form of instantaneousness and one-timeness – in fragments where the characters act immediately; the form of separate multiplicity – in describing the movements of the characters, oriented on gait; and the form of uniform multiplicity – in defining the movements of the characters according to their complexion. Therefore, in our opinion, the olonkhohut's special ability to combine the species forms of figurative verbs in the telling of the olonkho represents their artistic mastery.

Keywords: olonkho; figurative verbs; narrator; species forms; form of mobility; form of instantaneity and uniqueness; form of separate multiplicity; form of uniform multiplicity

Funding: The study was carried out within the framework of the research project of the North-Eastern Federal University “Cultural universals and regional-local uniquenesses of Yakut epic tradition: interdisciplinary research, digitalisation, popularisation technology”.

For citation: Gerasimova, L. N. Specific forms of figurative verbs in olonkho texts. *Eposovedenie*. 2025;4(40): 220–230 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-4-220-230>.

Введение

В исследованиях якутского языкознания последних лет отмечается значительный интерес к образным глаголам, представляющим особую лексико-семантическую группу, в основу значения которых лежит чувственное восприятие и движение, при этом во многих случаях преобладает зрительный образ [1, с. 203]. Фундаментальными научными трудами, посвященными данным глаголам в якутском языке, являются монографии Л. Н. Харитоновой «Типы глагольной основы в якутском языке» [2], «Формы глагольного вида в якутском языке» [1]. Ученым были обоснованы общие теоретические положения об образных глаголах, как об отдельном типе глагольных основ якутского языка, проведена их семантическая классификация, приведены видовые формы и отмечены основные фонетические особенности. Звуковое строение образных слов в якутском языке анализировано в диссертации Л. А. Афанасьева «Фоносемантика образных слов якутского языка» [3]. Компоненты интенсивности, эмоциональной оценки и образности в образных словах изучены в работе А. М. Николаевой «Экспрессивность образных слов в якутском языке» [4]. Образные прилагательные якутского языка в антропоцентрическом и когнитивном аспектах рассмотрены в трудах С. Д. Егиновой [5; 6]. Если сделать обзор по

недавним исследованиям относительно образных глаголов, то грамматические и фонетические отличительные черты этих глаголов установлены в публикациях В. Д. Монастырева, Н. Н. Васильевой, И. В. Аммосовой [7], Н. Н. Ефремова [8; 9], Е. М. Самсоновой [10], функциональность образных глаголов в синтаксических конструкциях якутского языка исследована в трудах Н. Н. Ефремова [11; 12], определение особенностей групп образных глаголов в сравнении с другими языками произведена в работах О. С. Винокуровой, О. Д. Слепцовой, А. Е. Шамаевой [13; 14], Е. Е. Жирковой [15; 16], В. Д. Монастырева [17], специфика перевода образной лексики в эпических текстах проанализирована в статьях Е. Е. Жирковой [18], В. Г. Дьячковой [19].

Использование огромного количества образных глаголов якутского языка наблюдается в произведениях устного творчества, в частности, эпоса олонхо. Так как лексическая группа данных глаголов является широко применимым способом в описании и создании образов и действий, сказитель по ходу развития сюжета в эпических формулах может варьировать глаголами, менять их видовые формы по динамичности и подвижности действий. Нами для исследования выбраны видовые формы образных глаголов с целью выявления и описания данных форм образных глаголов в текстах олонхо, определения особенностей их употребления сказителями. Актуальность исследования заключается в недостаточной изученности использования образной лексики в эпических текстах. Новизна исследования заключается в том, что впервые функциональность видовых форм образных глаголов рассматриваются в качестве объекта исследования.

Материалом для исследования послужили тексты олонхо центральной эпической традиции Якутии, которые были изданы в серии «Саха боотурдара» – «Мүлдьүөт Бөгө» («Мүлдьүөт Бөҕө») М. И. Саввина (20748 строк) [20], «Мюгюлю Бөгө» («Мүгүлү Бөҕө») Г. М. Тарасова – Тэкээнэй уола (6356 строк) [21], «Алантай Боотур» Е. Г. Охлопкова – Буоратай (4716 строк) [22]. В работе использованы метод сплошной выборки для сбора образных глаголов из эпических текстов; компонентный анализ на основе словарных дефиниций для раскрытия семантики слов; метод контекстуального анализа для выявления различных значений и оттенков значений исследуемых глаголов в контексте в зависимости от их функций.

Л. Н. Харитонов в своих работах «Формы глагольного вида в якутском языке» и «Типы глагольной основы в якутском языке» выделяет отдельные разделы видовым формам образных глаголов и разделяет их на две основные группы: 1) специальные видовые формы, свойственные только этим глаголам – форма подвижности, форма мгновенности и однократности, форма раздельной кратности, форма учащенной кратности, форма равномерной кратности, форма замедленности; 2) общие видовые формы, свойственные глаголам действия-состояния и применяемые в сфере образных глаголов. По смысловому содержанию исследователь также делит их на 3 основные группы: глаголы движения (глаголы движения в широком смысле; глаголы, характеризующие походку, движения тела и частей тела; глаголы, выражающие движение, связанное с внешней формой и структурой предмета и тела), глаголы зрительного образа (глаголы, характеризующие внешний вид, форму и структуру предмета; глаголы, характеризующие телосложение и фигуру человека; глаголы, характеризующие мимику и лицо человека; глаголы, характеризующие световое восприятие) и глаголы чувственного состояния.

Видовые формы образных глаголов в текстах олонхо

С текста олонхо «Мюлджюөт Бөгө» зафиксировано 122 образных глагола, с «Мюгюлю Бөгө» – 73, «Алантай Боотур» – 39. Как показывает собранный материал, в текстах олонхо используются видовые формы образных глаголов такие, как форма основы, форма мгновенности и однократности, форма подвижности, форма раздельной кратности, форма равномерной кратности. Перейдем к их детальному рассмотрению.

Форма основы образного глагола определяется значением глагола 2 лица единственного числа повелительного наклонения с аффиксом *-й* и не содержит видового значения [1, с. 138]. В трех текстах олонхо найден 81 глагол данной формы, они используются в описании внеш-

ности богатыря *айыы*, в описании действий чудовища *абаасы*, в описании жилища, земли, в отношении к природным явлениям. Например, глаголы *биэкэй* «быть очень тонким в талии, тонкостанным» [23, Т. 2, с. 348], *өрбөй* «вытягиваться вверх; вставать, подниматься дыбом» [23, Т. 7, с. 447] характеризуют части тела человека и красочно представляют картину телосложения богатыря в эпизоде: *Бизс былас / Биэкэйр бишлээх, Алта былас / Дара-буурай сарыннаах, / Үс былас / Өрбөйөр өртүктээх* [21, с. 45] ‘В пять маховых саженей / Тонкая талия у него, / В шесть маховых саженей / Широкие плечи, / В три маховых саженей / Высокие бедра у него»⁶⁶.

Между тем глаголы *күскэй* «быть, выглядеть полным, толстым в верхней части туловища» [23, Т. 5, с. 105], *ырдъай* «1. скалить зубы, скалиться; 2. быть раскрытым, разинутым, зиять» [23, Т. 14, с. 485], *малтай* «быть, казаться широким, плоским, полным (о лице)» [23, Т. 6, с. 210] в отрывке: *Хахсааттаах хатан халлаан уола / Хардъамыан Мохсобол ол кишрэн, ... / Үс төгүүрүк сылы мэлды / Күтүөттээн күскэйбит, / Ылмысыран ырдъайбыт, / Бабаран малтайбыт* [21, с. 27] ‘Сын неясного морозного неба / Харджамыан Мохсогол, поднявшись в тот раз... / В течении трех лет / Гостил в качестве жениха, заплывая жиром, / Завидовал, скаля зубы, / Мечтал, раздаваясь в ширину’ выбраны специально для создания портрета отрицательного героя, поэтому с помощью данных глаголов в воображении слушателя или читателя обрисовывается внешний вид чудовища *абаасы*.

Образные глаголы по своему значению, в основном, выражают действия и процессы при-сущие человеку, а в фольклорном тексте они могут сочетаться с неодушевленными предметами, создавая тем самым персонификацию образов. Так, к примеру, амбар может принять человеческие качества и действовать словно живое существо при участии глаголов *хапчий* «1. втягиваться, вваливаться (о животе); 2. сжаться в комок, съежиться» [23, Т.13, с. 333], *сүөдэй* «1. возвышаться большой неясной тенью; 2. возвышаться над всеми (о высокой, долговззой фигуре кого-л.)» [23, Т. 9, с. 253] как в предложении: *Өйдөөн-дьүүлээн көрбүтэ – / Сэттэ кииннээх, / Тобус куоһайыылаах, / Абыс кырыылаах / Тимир биэкэрдэ хара ампаар дьиз / Харааран-хапчийан, / Сүөдэйэн-бэрийэн, / Үс эбэл-тэбэл дьизлэр / Барыаран-боруоран олороллор эбит* [20, с. 428] ‘Посмотрел внимательно – / Железный черный дом-амбар / С семью центрами, / С девятью желобами, / С восьмью гранями / Темнеет, съеживается, / Возвышается, распухивается, / Три похожие друг на друга дома / Меркнут стоят, оказывается’. Также в примере: *Сир гизнэ очура-чочура / Хара улар курдук / Ханайа көттө, / Эрдэбэс улар курдук / Мэтэйэ көттө* [20, с. 24] ‘Бугорки-кочки земли / Подобно черному глухарю / Вылетели, выгнувшись, / Подобно самке глухаря / Вылетели, выпираясь’ неровности земли олицетворяются путем сравнительных конструкций, в которых участвуют глаголы *ханай* «1. идти, ходить, слегка откинув назад голову, выгнув спину, выпятив грудь; 2. выделяться высотой, возвышаться» [23, Т. 13, с. 285], *мэтэй* «выдаваться вперед, выступать, выпячиваться (о груди)» [23, Т. 6, с. 420], характеризующие телосложение и фигуру человека.

В отношении природных явлений, а именно солнца и луны, обнаруживаются схожие действия – глаголы *лаглай* «иметь низко посаженную широкую, раскидистую крону (о растениях); быть невысоким, приземистым, плотным, равномерно широким (о форме чего-л., фигуре кого-л.)» [23, Т. 6, с. 72], *кылбай* «1. светиться ярко; быть, казаться ярким, блестящим, сверкать; 2. сиять белизной, белеть; 3. быть, казаться ярким, светлым; сиять новизной, свежестью» [23, Т. 5, с. 226] отобраны с внутренним смыслом выражения поклонения к данным субъектам: 1) *Абыс өргөстөөх / Аламай мабан кун / Илин диэки кун төрүүр / Көмүс хайатын көбөбүтүнэн / Көнүлүнэн күөрэйэн, / Санаатынан лаглайан, / Таас хайа дъайыннанан / Дайгыл хара тыа тайахтанан / Чабылыччы табыста* [22, с. 47] ‘Восьмиконечное / ясное белое солнце / С восточной стороны, / По краю золотой горы, / Свободой окрыленная, / Душевно простираясь, / Через каменные горы / Над лиственничным лесом / Ярко поднялась’. 2) *Кыыс обо / Омук анала*

⁶⁶ Здесь и далее перевод автора.

буоллаба, / Онон көхсүттэн көнтөстөөх / Күн Дьөлүк улууһугар биэрбэтэхпинэ, / Кимиэхэ биэриэхпиний? / Онон аныгы ый / **Кылбайар** кыһыл туолуута / Уон биэс хонук хаалла, / Онно кэлээрин, – диэтэ [22, с. 38] ‘Девушка является / предназначением народа, / Поэтому если не отдам родне Кюн Джеллюка / С поводьями за спиной, / То кому еще могу отдать? / Потому, до наступления / **Ярко**го новолуния / Осталось пятнадцать дней, / Когда наступит, тогда приезжайте, – сказал’.

Форма подвижности выражается аффиксами *-рый, -һый, -луй, -чий* и придает значению образного глагола особую дополнительную динамичность [1, с. 139]. В зафиксированных материалах 35 глаголов употреблены в форме подвижности и направлены на выразительное изображение движений богатыря *айыы*, персонажей, предметов, описание героя *абаасы*, жилища, земли. Действительно, участвовавшие в разборе образные глаголы, которые относятся к данной форме, наделены некой подвижностью в значениях. Поэтому эти глаголы отмечаются в тексте в более активных действиях. Например, глаголы *маралый* «от *марай*: выпячивать грудь при ходьбе, беге» [23, Т. 6, с. 231], *ханарый* «загибаться, выгибаться; изменив направление движения, повернуть, отвернуть в сторону, назад» [23, Т. 13, с. 288] показывают движения богатыря *айыы* – человека с крупным телосложением, но в то же время хорошо владеющим своим телом: 1) *Ат-сылгы / Ойдоох буур саба сэбин / Маралыйа көтөбөн тахсан, / Атын иннигэр дьар бааччы / Кутан кэбистэ* [20, с. 118] ‘Снаряжения коня, / Равные лосю-самцу, / **Выпячивая грудь**, вынес / Перед конем ровно, / Все выбросил’. 2) *Харальдьыктан көтөн тахсыбыт / Хара куртуйах курдук / Ханарыйан тахсан / Ат сылгы / Өрүкүйэр үрдүк мындаатыгар / Лип бааччы олоро түстэ* [20, с. 120] ‘Будто тетерев-косач, / Вылетевший с проталины, / Вышел **выгибаясь**, / Сел на широкую спину коня’.

В другом примере, глагол *тэлэкэчий* «двигаться быстро, энергично, крутиться-вертеться» [23, Т. 11, с. 475] показывает энергичное движение персонажа: *Дьахтар таһырдыа / Тэлэгэчийэн табыста, / Собуруу диэки / Суһуоҕа субулла турда* [22, с. 117] ‘Женщина на улицу, / **Крутятся-вертятся**, вышла, / По направлению на юг / Коса ее потянулась’.

В эпизодах, где идет речь о предметах, природных объектах, образные глаголы в форме подвижности к их действиям придают экспрессивно-эмоциональную окраску, чем обычные глаголы действия-состояния. Глагол *дударый* «делать быстрые, ловкие движения всем телом вперед, легко перебирая ногами» [23, Т. 3, с. 189] при описании местности в составе сравнительной конструкции, примыкая к глаголу *сүүр* «двигаться быстро, резко отталкиваясь от земли ногами, бежать» [23, Т. 9, с. 325], придает действию интенсивность: *Ол бэтэрээ өттүнэн – / Дьууппалаах ньуучча кыһа / Дударыйа сүүрэн иһэрин курдук / Сур түнгүргэстээх дойду эбит* [21, с. 42] ‘Ближе с того места – / Будто русская девушка в юбке / Бежит, **легко перебирая ноги**, / Очень пенечная земля, оказывается’. Красочность и восторженность добавляет глагол *кылбачый* «быть ярким, блестящим, сверкать» [25, с. 230] в образном представлении движений предметов орудия: *Кырыктаах үнүү / Кылбачыйан киридэ, / Саабылаан батас / Дьардырбаан барда, / Хааннаах батас / Хатыалаһан киридэ* [22, с. 119] ‘Яростный меч / Начал **блестеть**, / Грозно сверкающая пальма / Издала дребезжащий звук, / Кровавая пальма / Начала переплетаться’.

Форма мгновенности и однократности образуется посредством прибавления аффиксов *-с, -х, -к* и служебного глагола *гын-* ‘делать’ к основе образного глагола и выражает моментальность образного движения и резкую, быструю однократность явления [1, с. 143]. С источников выявлено 35 глаголов в форме мгновенности и однократности, которые характеризуют движение богатыря *айыы*, богатыря *абаасы*, других персонажей, животных и птицы. Данные глаголы в текстах упоминаются в местах, где события развиваются в быстром темпе, герои олонхо совершают незамедлительные поступки. Так, с помощью глагола *хончос гын* «от *хончой*: напряженно выпрямляться, вытягиваться в высоту (о рослом человеке)» [23, Т. 13, с. 578] ярко изображается движение богатыря *айыы* и при этом одновременно изменение его телосложения,

решившего тотчас противостоять собеседнику: *Мань истэн баран / Мүгүлү Бөбө / Дьиз орто-тугар бишрдэ үктээбитэ, / Суол ааныгар бишрдэ үктээбитэ, / Тэлгэнэ ортоугар баран бишрдэ / Тонг тоһоһону бырахпыт курдук / Хончос гына түспүтэ* [21, с. 62] ‘Услышав это, / Мюгюлю Бёгё / Тотчас оказался в середине дома, / Затем очутился у входа в дом, / Только оказавшись в середине двора, / **Разом выпрямился** / Словно выбросили замерзший гвоздь’.

Движению богатыря *абаасы*, как и отмечено в вышеупомянутых глаголах, участвовавших в описании действий богатыря *абаасы*, применены глаголы, соответствующие его поведению и нраву, но показывающие его скорость и ловкость. Например, глаголы *хапсыс гын* «от *хапчий*: 1. втягиваться, вваливаться (о животе); 2. сжаться в комок, съежиться» [23, Т. 13, с. 333], *сүөдэс гын* «от *сүөдэй*: 1. возвышаться большой неясной тенью; 2. возвышаться над всеми (о высокой, долговязой фигуре кого-л.)» [23, Т. 9, с. 253] в отрывке: *Тумул хара тыа / Быһаһаһын саба / Буолан хара / Абааһы уола баһайы / Сүөдэс-бэрис / Хараар хапсыс гына түспүтэ* [20, с. 224] ‘Словно густой лес / Этот-то чудовище абаасы, / **Возвысилса** неясной тенью / **Втянулса** темнотой’.

Шустрые движения животных и птиц, выраженные образными глаголами в форме мгновенности и однократности, создают живость происходящему действию. Глагол *былтас гын* «от *былтай*: 1. высовываться, выглядывать из-за чего-л.; 2. выступить из чего-л.» [23, Т. 2, с. 710] показывает резкое движение лошади: *Собуруу дуомат хара тыатын / Ис кырытыттан / Ус былтас дьүөкэл хара моойдоох, / Сэттэ былтас дэлиир хара систээх, / Сыгыннах өрбөтүгэр / Алта субурба / Хара атахтаах / Хаан кугас ат / Былтас гына түстэ* [22, с. 42] ‘С середины / Южного густого леса / На три маховых сажень / Темной шеей, / На семь маховых сажень / Черным хребтом, / На голом брюхе / Шесть рядов / Черных ног / Соловый конь / **Внезапно высовывается**’.

Также глагол *элээрис гын* «от *элээр*: проноситься, нестись быстро и легко» [23, Т. 15, с. 201] проясняет быстрый вылет птицы: *Туйгун мохсобол кыыл буолан, / Саха киһи хараба саатан төннөр, / Салпахтаах саары маһан халлааны / Урут өттүгэр кутуруга / Элээрис гынан хаалбыта* [21, с. 136] ‘Птицей ястребом стал, / На ослепляющем глаза человека, / Мутно-белом нависающем небе / Хвост его / **Пронесся быстро**’.

Форма *раздельной кратности* проявляется тремя способами, во-первых, удвоенными и парными формами моментально-однократных глаголов с аффиксами *-с, -х, -к* и служебного глагола *гын-*, которые выражают кратковременно повторяющееся моментально-однократное движение; во-вторых, формой, образующейся при прибавлении аффикса *-лдьый* к двусложным основам и придающей значение небыстрого повторяющегося движения с оттенком особой акцентации; в-третьих, формой, образующейся с помощью двусложных основ и аффикса *-рдаа* и показывающей размеренное акцентированное движение соответствующей ритму ходьбы [1, с. 152–155]. Обнаружено 38 глаголов в данной форме и выяснилось, что они участвуют в репрезентации движений богатыря *айыы*, других второстепенных персонажей, но в большей части – в описании природных явлений и предметов. Глаголы, представляющие движение героев, показывают замедленное перемещение объекта с одного места в другое под ритм походки человека. К примеру, глагол *тэйгэлдьий* «медленно, неспешно идти, шагать, покачиваясь из стороны в сторону (о толстом человеке)» [23, Т. 11, с. 457] демонстрирует движение богатыря *айыы* – походку здорового, тяжеловесного человека: *Кун көчүгэ / Сулардаах көнтөһүнэн / Сизтэн тэйгэлдьийтэн таһааран, / Бастын дьоллоох-соргулаах / Уобахсы хаан / Тойон сэргэтигэр / Тоһуста эрийэ тутан аһалан, / Онуһун аһалан туомтуу / Солбуя тардан кэбистэ* [20, с. 118] ‘Резвого коня своего / С надетыми поводьями / Приводит **неспешной ходьбой** / К главной коновязи / Самого счастливого-благополучного / Уобахсы хаана / И, девять раз закрутив, / На десятый раз завязал / Якутским распусным узлом’.

В описаниях природы и предметов образные глаголы в форме раздельной кратности отображают изменения качеств явлений природы или предметов быта, боя, одежды, украшения в определенных обстоятельствах. Пояснение о волнении моря представляет глагол *долгулдьый*

«1. слегка волноваться, рябить (напр., о поверхности воды); слегка волнуясь, качаться, нежно колыхаться (напр., о траве, ветках); 2. слегка, мерно колыхаться (о длинной одежде); 3. толчками, рывками качать, шатать, трясти; 4. плавно идти, двигаться, плыть; 5. плавно переходить из одного состояния в другое; плавно двигаться (напр., об облаках)» [23, Т. 3, с. 154] в эпизоде: *Тобус үөстээх / Тобо байбал уута / Тордуйалаах уу курдук / Өрө долгулдьуйан тахсыбыт. / Туут балыга / Чороччу тонмут үһү* [21, с. 25] ‘Вода полного моря / С девятью руслами, / Словно вода в берестяном сосуде, / **Слегка заволновалась**, / Рыба нельма его / Торчком замерзла, говорят’.

В фрагменте: *Илин-кэлин кэбиһэр диэн сэби / Айгыратан-аарыгырдан ороон таһаарда. / Көрөн турдахха / Куһи күлүгэ / **Кылбальдьыйан** көстүтэлээн сыльдьар / Арааһынай ойуулаах-оһуордаах, / Симэхтээх-аарыктаах, / Сирийэн көрдөххө / Ситэ үчүгэй сэн буолбута* [20, с. 196] ‘Украшение илин-кэлин кэбисэр, / Бренча-позванивая, вытащил, / Если приглядесться, / Тень человека / **Сверкает будто**, / С разными рисунками-узорами, / Бусами-побрякушками, / Если тщательно осмотреть, / то хорошая вещь получилась’ глагол *кылбальдьый* «от *кылбай*: 1. светиться ярко; быть, казаться ярким, блестящим, сверкать; 2. сиять белизной, белеть; 3. быть, казаться ярким, светлым; сиять новизной, свежестью» [25, с. 226] участвует в характеристике особенностей национального женского нагрудного украшения *илин кэбиһэр*.

Форма равномерной кратности образуется с помощью аффиксов *-гнаа*, *-галаа*, *-нхалаа* и обозначает постоянную небыструю, ритмичную повторяемость действия. При этом форма с аффиксом *-галаа* придает глаголу дополнительный учащательно-уменьшительный оттенок значения, форма с аффиксом *-нхалаа* содержит оттенок резкости повторяющихся элементов движения [1, с. 156–161]. В использованных текстах рассматриваемая форма образных глаголов встречается 23 раза с аффиксом *-гнаа* и выражает движение главных и второстепенных героев, явлений природы. В найденных примерах образные глаголы показывают движения героев и персонажей с округленным телосложением, поэтому действия получаются неуклюжими, динамичными и равномерными. Так глаголы *тэйгэннээ* «от *тэйгэй*: грузно повисать, обвисать» [23, Т. 11, с. 457], *суоданнаа* «двигаться, ходить медленно, размеренно или еле-еле, нехотя» [23, Т. 9, с. 135], *көппөннөө* «от *көппөй*: 1. вздуваться бугром, вспучиваться; пузыриться; казаться надутым, туго набитым» [23, Т. 4, с. 311] характеризуют плавные, но в то же время торопливые движения пожилых людей: *Убайдаах санһа / Кинини сүтүктээн бараннар / Күн орто аастытын кэннэ / Тэйгэннэһэннэр, / Изэримэ дьылэриттэн тэйэн, / Суолун солоон, / Суоданнаһа көрдөөннөр, / Көппөннөһөн, / Үс үрүмэтийбэт / Үт көлүйэ күөллэригэр / Тиийэн кэлбиттэрэ* [21, с. 73] ‘Старший брат с женой, / Потеряв его, / Через полтора дня / **Маячась в нерешительности**, / Оставили родной дом, / Прокладывая дорогу через лес / **медленными шагами**, ища его, / **Вспучившись**, / Дошли к Молочному озеру, / Не покрывающейся пеной’.

В описании образа и движений чудовища *абаасы* сказители всегда используют глаголы, которые раскрывают его поведенческие качества, как отрицательного героя. В эпизоде: *Ыстыыр тиһэ ырдьанны, / Ыйыстар күэмэйэ көнкөнгүү, / Үрүт уоһа көппөннүү, / Алын уоһа дьаадыан ойон, ... / Кэрээнэ суох / Кэпсээн-кэпсээн / Илби сытыйа олорбута / Арсан Дуолай Офоньньор* [20, с. 90] ‘**Скала зубы**, / Издавая громкие звуки с горла, / С надутыми верхними губами, / С подорванными нижними губами, ... / Неприлично / Рассказывая о том о сем, / Прогнивая сидел / Старик Арсан Дуолай’ видно, что глаголы *ырдьаннаа* «от *ырдьай*: 1. скалить зубы, скалиться; 2. быть раскрытым, разинутым, зиять» [26, с. 485] и *көппөннөө* «от *көппөй*: 1. вздуваться бугром, вспучиваться; пузыриться; казаться надутым, туго набитым» [33, с. 311] участвуют в создании картины непривлекательного, невзрачного чудовища преклонного возраста.

В изображении природных явлений образные глаголы в форме равномерной кратности определяют движения объектов после какого-то совершенного действия. Глагол *дуоданнаа* «идти, ходить медленно, широко расставляя ноги, переваливаясь из стороны в сторону (о человеке или крупной птице)» [23, Т. 3, с. 189] изображает движение замершего дерева, когда богатырь,

ехавший верхом, нечаянно дотронулся до него: *Уөгүтэ үрүг былыт буолбута, / Хаһыыта хара былыт буолбута, / Кыламмыта кыһыл былыт буолбута. / Тон маһы таарыйбыта / Тон нууучча буолан / Дуодагнаһа хаалбыта* [21, с. 31]. ‘Вопль его белым облаком стал, / Крик его черным облаком стал, / Вой его красным облаком стал. / Прикосновение его к замершему дереву / Стало мерзлым русским / И остался стоять, **переваливаясь из стороны в сторону**’.

Заключение

Таким образом, в исследовании были проанализированы 212 образных глаголов, некоторые из которых повторяются в текстах олонхо. Из видовых форм образных глаголов обнаружено применение формы основы, формы мгновенности и однократности, формы подвижности, формы раздельной кратности, формы равномерной кратности. Как выяснилось, в данных видовых формах образные глаголы участвуют, в целом, в описании внешности главных героев и второстепенных персонажей и их движений, в описании жилища, предметов быта, природных явлений и животных. Особенностью употребления видовых форм, по результату нашего анализа можно отметить, является то, что в зависимости от ситуации, специфики персонажей, сказываемого действия и развития сюжета олонхо сказитель может комбинировать видовые формы. Например, форма подвижности используется в активных действиях, форма мгновенности и однократности – в фрагментах, где герои действуют незамедлительно, форма раздельной кратности – в описании движений героев, ориентированных на походке, форма равномерной кратности – в определении движений героев в соответствии их комплекции. Поэтому, на наш взгляд, особое умение сказителя сочетать видовые формы образных глаголов в сказывании олонхо представляет его художественное мастерство.

Литература

1. Харитонов Л.Н. *Формы глагольного вида в якутском языке*. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР; 1960:179.
2. Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР; 1954:312.
3. Афанасьев Л.А. Фоносемантика образных слов якутского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск: 1993:17.
4. Николаева А.М. Экспрессивность образных слов якутского языка. *Наука и образование*. 2007;1:168–171.
5. Егинова С.Д. Когнитивный аспект семантики образных прилагательных народа саха. *Когнитивные исследования языка*. 2012;11:261–265.
6. Егинова С.Д. Антропоцентричность картины мира в семантике образных прилагательных народа саха. В кн.: Мельничук О.А. (ред.) *Лингвистические, культурологические и дидактические аспекты коммуникации в поликультурном пространстве*: Сборник материалов I Региональной лингвистической конференции, г. Якутск, 12–13 апреля 2013 г. Краснодар: Международный центр научно-исследовательских проектов; 2013:152–159.
7. Монастырёв В.Д., Васильева Н.Н., Аммосова И.В. Фонетические средства выражения семантики образности в якутском языке (на материале образных глаголов с общей архисемой ‘расползеть’). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2022;3(40):71–79. <https://doi.org/10.25693/SVG.2022.40.3.007>
8. Ефремов Н.Н. Образные глаголы движения в якутском языке. В кн.: Чумакаев А.Э. (ред.) *Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития*: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М.Ч. Чумакаевой, избранные труды и полевые материалы М.Ч. Чумакаевой, г. Горно-Алтайск, 10–12 октября 2018 г. Горно-Алтайск: Горноалтайская типография; 2018:50–58.
9. Ефремов Н.Н. Пространственные конструкции, оформленные образными глаголами медленного движения субъекта. В кн.: Васильев И.Ю., Чиркоева Д.И., Попова М.П. и др. (ред.) *Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских языков*: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения известного тюрколога, общественного деятеля, кандидата

филологических наук, доцента Ю.И. Васильева-Дьяргыстай, г. Якутск, 16 декабря 2022 г. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2022:88–93.

10. Самсонова Е.М. Редупликация образных и звукоподражательных глаголов как средство выражения кратности в якутском языке (на материале романа Н. Е. Мординова-Амма Аччыгыя «Весенняя пора»). *Филология: научные исследования*. 2024;7:117–129. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2024.7.71185>

11. Ефремов Н.Н. Образные глаголы, формирующие пространственные предложения, в якутском языке (структурно-семантический анализ). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2017;3(20):112–118.

12. Ефремов Н.Н., Афанасьева Е.Н. Синтаксические конструкции, формируемые образным глаголом *сундулуй-*. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;1(46):89–98. <https://doi.org/10.25693/SVGV.2024.46.1.008>

13. Винокурова О.С., Шамаева А.Е. Образные глаголы якутского языка в сравнении с их параллелями в монгольском языке (на материале глаголов, обозначающих походку человека). В кн.: Прокопьева А.К. (ред.) *Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков*: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Якутск, 18–19 октября 2018 г. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2018:45–49.

14. Шамаева А.Е., Слепцова О.Д. Образные глаголы, характеризующие лицо человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольских языков. *Мир науки, культуры и образования*. 2020;6(85):478–481.

15. Жиркова Е.Е. Особенности образных глаголов, выражающих походку человека, в якутском языке (с привлечением материала японского языка). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2017;3(20):118–124.

16. Жиркова Е.Е. Лексико-семантические особенности образной лексики якутского и бурятского языков. *Мир науки, культуры и образования*. 2020;6(85):509–511.

17. Монастырев В.Д. Структурно-семантические особенности образных глаголов, характеризующих движение (на материале якутского и монгольского языков). В кн.: Прокопьева А.К. (ред.) *Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков*: Материалы Международной научно-практической конференции, г. Якутск, 18–19 октября 2018 г. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2018:86–92.

18. Жиркова Е.Е. Образная (изобразительная) лексика в якутском и бурятском эпосах: лексические параллели. *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2023;15(4):727–741. <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-4-727-741>

19. Дьячковская В.Г. К вопросу о передаче образных слов якутского языка на английский язык (на материале перевода текста олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур»). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014;9–2(39):64–66.

20. Саввин М.И. *Мүлдьүэт Бөбө*: олонхо. Дьокуускай: Бичик; 2014:516 (на якутском яз.).

21. Горнай олонхолоро. Дьокуускай: Бичик; 2010:302 (на якутском яз.).

22. Охлопков Е.Г.–Буоратай. *Алантай Боотур*: олонхо. Дьокуускай: Бичик; 2015:189 (на якутском яз.).

23. *Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта*. В 15 томах. Новосибирск: Наука; 2004–2018.

References

1. Kharitonov LN. *Forms of the verb kind in the Yakut language*. Moscow; Leningrad: Publ. House USSR Academy of Sciences; 1960:179 (in Russian).
2. Kharitonov LN. *Types of the verb base in the Yakut language*. Moscow; Leningrad: Publ. House USSR Academy of Sciences; 1954:312 (in Russian).
3. Afanasyev LA. Phonosemantics of the Yakut language phonosemantics of figurative words of the Yakut language: Summary of Candidate's dissertation (Philology). Yakutsk: 1993:17 (in Russian).
4. Nikolaeva AM. Expressiveness of figurative words of the Yakut language. *Nauka i obrazovanie*. 2007;1:168–171 (in Russian).
5. Eginova SD. Cognitive aspect of the semantics of figurative adjectives of the Sakha people. *Kognitivnye issledovaniya jazyka*. 2012;11:261–265 (in Russian).
6. Eginova SD. Anthropocentricity of the world picture in the semantics of figurative adjectives of the Sakha people. In: Melnichuk OA. (ed.) *Linguistic, cultural and didactic aspects of communication in a multicultural*

space: Collection of materials from the 1st Regional Linguistic Conference. Krasnodar: MTsNIP; 2013:152–159 (in Russian).

7. Monastirev VD., Vasilyeva NN., Ammosova IV. Phonetic means of expressing the semantics of the semantics of imagery in the Yakut language (on the material of figurative verbs with the common archiseme ‘to get fat’). *North-Eastern journal of humanities*. 2022;3(40):71–79 (in Russian).

8. Efremov NN. Figurative verbs of motion in Yakut language. In: Chumakaev AE. (ed.) *Altai language and its dialects: current state, development prospects*: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of the famous Altai linguist Chumakaeva M.Ch., selected works and field materials of Chumakaeva M.Ch. Gorno-Altai: Gorno-Altai Publishing House; 2018:50–58 (in Russian).

9. Efremov NN. Spatial constructions formed by figurative verbs of slow movement of the subject. In: Vasiliev IYu., Chirkoeva DI., Popova MP. et al. (eds.) *Comparative study of Turkic languages*: Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of the famous Turkologist, public figure, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Vasiliev Yu.I.–Dgargystai. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2022:88–93 (in Russian).

10. Samsonova EM. Reduplication of figurative and sound-subjective verbs as a means of expressing multiplicity in the Yakut language (on the material of the novel “Spring Time” by Mordinov NE.-Amma Achchygya). *Philology: scientific researches*. 2024;7:117–129 (in Russian).

11. Efremov NN. Figurative verbs forming spatial sentences in the Yakut language (structural and semantic analysis). *North-Eastern journal of humanities*. 2017;3(20):112–118 (in Russian).

12. Efremov NN. Syntactic constructions formed by the figurative verb *sundului-*. *North-Eastern journal of humanities*. 2024;1(46), 89–98 (in Russian).

13. Vinokurova OS., Shamaeva AE. Figurative verbs of the Yakut language in comparison with their parallels in the Mongolian language (on the material of verbs denoting human gait). In: Prokopyeva AK (ed.) *Comparative study of Turkic and Mongolian languages*: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Yakutsk: NEFU Publ. House; 2018:45–49 (in Russian).

14. Shamaeva AE., Sleptsova OD. Figurative verbs characterising a person’s face in the Yakut language in comparison with their parallels from Mongolian languages. *The world of science, culture and education*. 2020;6(85):478–481 (in Russian).

15. Zhirkova EE. Features of figurative verbs expressing human gait in the Yakut language (with the involvement of Japanese language material). *North-Eastern journal of humanities*. 2017;3(20):118–124 (in Russian).

16. Zhirkova EE. Lexical and semantic peculiarities of figurative lexicon of Yakut and Buryat languages. *The world of science, culture and education*. 2020;6(85):509–511 (in Russian).

17. Monastirev VD. Structural and semantic peculiarities of figurative verbs characterising movement (on the material of Yakut and Mongolian languages). In: Prokopyeva AK. (ed.) *Comparative study of Turkic and Mongolian languages*: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2018:86–92 (in Russian).

18. Zhirkova EE. Figurative (pictorial) lexicon in Yakut and Buryat epics: lexical parallels. *Mongolian Studies*. 2023;15(4):727–741 (in Russian).

19. Dyachkovskaya VG. To the issue of transferring figurative words of the Yakut language into English (on the material of translating the text of the olonkho «Nurgun Bootur the Swift»). *Philology. Theory & Practice* 2014;9–2 (39):64–66 (in Russian).

20. Savvin MI. *Muldjuet Bege*. Yakutsk: Bichik; 2014:516 (in Yakut).

21. Olonkhos of Gorny district. Yakutsk: Bichik; 2010:302 (in Yakut).

22. Okhlopov EG.–Buuratay. *Alantai Bootur*: olonkho. Yakutsk: Bichik; 2015:189 (in Yakut).

23. *Large explanatory dictionary of the Yakut language*. In 15 vol. Novosibirsk: Nauka; 2004–2018 (in Yakut and Russian).

Об авторе

Герасимова Лилия Николаевна, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Олонхо, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-9594-7824, SPIN: 2890-4010, e-mail: gelinica@yandex.ru.

About the author

Liliya N. Gerasimova, researcher, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-9594-7824, SPIN: 2890-4010, e-mail: gelinica@yandex.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию / Submitted 10.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 15.12.2025

Принята к печати / Accepted 20.12.2025